

Ирина Осокина

Степунок

Ирина Осокина

Степунок

«Институт соитологии (ИС)»

Осокина И.

Степунок / И. Осокина — «Институт соитологии (ИС)»,

ISBN 978-5-457-21767-6

Волнистое покрывало южно-русской степи. Щебет птиц и жужжание пчел. Знойный ветер, разносящий густой и пряный аромат цветов и трав, густым ковром покрывающих землю – вот ложе, на котором Ташку навсегда обожгла запретная любовь Степунка. Любовь, которую невозможно забыть, любовь сроком в одно лето... Рассказ петербургской писательницы Ирины Осокиной «Степунок» погружает читателя в удивительный эротическо-мистический мир, в котором причудливо слились современность и славянский фольклор, обыденность и таинство, реальность и мечта, Эрос и Танатос.

ISBN 978-5-457-21767-6

© Осокина И.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ирина ОСОКИНА

Степунок

Рассказ

В южнорусских краях милее всего дикая степь, где когтистая лапа культивации полевилась преодолевать неровности рельефа, где не сажали лесополос из сорного дерева, называемого американским кленом. Там довольно тихо и как-то по-домашнему празднично, особенно весной. Нынче апрель. Редкие невысокие деревья, издалека похожие на мшистые кочки, в силу своего одиночества особенно откровенно пускают из нутра, разворачивают множасьую зелень и налитые маслянистой пастелью бутоны. Окрашиваются холмы, прячут колючий приземистый слой прошлогодних кустарников, на них вытаскивают отощавшие тела грязно-рыжие коровенки и, закатив глаза к небу, словно благодаря Господа, что дожили до этого дня, собирают слюнявыми ртами первую поросль. Рядом с матово-сиреневыми и глянцевыми желтыми цветами серебрятся крохотные, бархатные паутины полыни, и только опыт заставляет верить, что из них вырастет горькая, терпкая трава. Где ветрено и голо – приподнялся и уже развевается ковыль, а ямы и канавы устланы, пока еще с ладошку, лопухи. Земля сочится, выплескивает вместе с мерзлотой, обернувшейся паром и растительной мякотью, живой дух. Если взобраться повыше и отпустить взгляд – а здесь ничто не остановит его, кроме собственного бессилия, – то увидишь, как дух этот витает над квадратами полей и меловыми ущельями, над бурными полосами дальних деревенек. И захочется, забыв обо всем, созерцать брожение степного заправила, теплого и вольного, неуловимого и вездесущего, молодого, волнующего...

* * *

Узловатые пальцы застыли на ручке газовой плиты и сделали решительный поворот – готово. В приоткрытую створку окна скользнул запах клейкой листвы, приятно разбавив гастрономическую сладость. Полина Федоровна наклонила наскоро причесанную голову и освободилась от петли фартука. Тонкие прядки на затылке, все еще смоляные, несмотря на седьмой десяток, взмокли от пота, закурчавились. Выплыл коричневатый, как жухнувший клен, во весь противень яблочный пирог: запекшиеся дольки, сверху нехитрым узором – нитки теста. Она покрыла их растопленным маслом и задумалась, застыла с приподнятым помазком.

Пережив зиму, острее чувствуешь возраст, и в этот год воспоминания, не дающие покоя, нахлынули, как только сошел снег. Полину Федоровну учили печь такие пироги в родительском доме, там, где прошли ее лучшие, наверное, годы, где Дон еще не особенно широк и люди зовутся русскими, а говорят как южные соседи – хохлы. Потом она пекла яблочные пироги мужу и, заворачивая в чистую тряпочку, клала их на дно старой хозяйственной сумки, с которой он ездил на воскресные промыслы. Как-то расплакалась, увидев, что Игнат прикармливает ими косяки рыб. Тогда это было озорством и непростительной роскошью. Он заметил жену, плачущую, в гуще ив по другую сторону поселкового пруда и потом дома, бросив с порога: «Ты, Поля, не паникуй зазря», – взял цепко за локоть, не разувшись, поволол к высокой, с двумя перинами и металлическими шариками на решетчатых спинках, кровати. После она часто вспоминала это «не паникуй», и когда сухопарая медсестра в тусклом свете пожелтевшего от времени светильника выжимала из шприца каплю, чтобы сделать ему один из последних, ненужных уже уколов, и когда жутко болело внизу живота

от неженской, вдовьей работы... Да стоит ли об этом? Полина Федоровна макнула кисточку и обвела последний, темнее других, завиток теста. Почему-то он напомнил ей вышивание на накидке, что прикрывала гору подушек в их доме, и опять, но уже явственно, до нытья в груди, – тот день, с рыбалкой. Она упала тогда припухшим от слез лицом на шитые по ночам крестики, и они приятно терли щеку, и было жарко и тесно дышать, и где-то сзади, где, в угоду стыду, вроде бы и не ты, стало вдруг голо и холодно. Он прислонил к ней обманчиво теплые бедра и, не дав одуматься, словно прорезал чем-то наточенным, быстрым. Кажется, никогда ей не было от этого так больно и обидно, то ли из-за пирога, то ли из-за черных, водянистых следов мужниных сапог на чистом половике, то ли оттого, что это очень уж ей напомнило, как драла ее хворостинной мать за то, что бегала к Игнату девкой. И никогда прежде не мучил он ее так долго, вплоть до того, что резь сменилась незнакомым доселе тягучим огоньком.

«Дурная была», – вздохнула Полина Федоровна и погладила старомодный клетчатый твид на расползшихся, но, как прежде, покатых боках. В молодости ее считали красавицей: пышная, щекастая, фигуристая... Она вздохнула еще раз и представила внучку – единственную свою отдушину и предмет непрестанных волнений. Не дал Бог девчонке взять лучшее от их породы, вся в отца, ввысь пошла: блеклая, узкая, еще и эта рыжина на носу! Хоть бы средство нашла какое для избавленья! Полина Федоровна перегнулась через подоконник, рассматривая асфальтовую дорожку: не идет ли Ташка? – и с недовольством прикрыла окно. Осталась только узкая щель; ветер тут же ворвался в нее, шевеля стебли фиалок в обмотанном фольгой горшке.

Скоро повеяло холодом, пирог затаил остатки запаха под остывшей корочкой, город окрасился в сумеречную синеву, и Полина Федоровна с силой щелкнула шпингалетом.

К концу дня в дизайнерской студии скапливается нетерпение. Оно выходит из закутков рабочих кабинок и охватывает головы, мешая плести радужную паутину искусственных миров. Тяжелеют движения, оживляется переписка, бессменно ведущая к курительным «кулуарам», где полнятся пеплом жестянки из-под кофе и слышится ледяное шипение принесенного тайком джин-тоника. Если утром сюда заходят пошептаться о всяких пустяках, счастливо веря в их значимость, то после шести ни о какой интимности поглощения дымов не идет и речи: приятельниц разбавляют приятели, к ним присоединяются знакомые, мало-знакомые, наконец – на внешней орбите – новички и стажеры.

Ташка сегодня в этом не участвует, даже не смотрит на часы в уголке экрана и не вынимает, как некоторые скромницы-одиночки, помаду и пудру, чтобы с пользой провести последние минуты рабочего времени. Она выключила компьютер и уставилась в гаснущую серость монитора. Ее глаза, с зеленцой, с ниспадающими внешними уголками, будто вобрали в себя исчезнувший свет. То ли от усталости, то ли от предчувствия чего-то приятного, свободного они кажутся чуть влажными. «Домой – не домой?» – то и дело спрашивает себя Ташка, вспоминая о том, что сегодня среда, и что бабушка все же просила прийти. Зачем?

Обычно после работы она преодолевает уличные пространства быстрым, почти мужским шагом, глядя поверх одежд и вывесок, упиваясь скромностью выпцветших красок на фасадах, крышах, небе... Странно, но за окном машины те же самые городские огни сливаются и вьются серпантинном, нескончаемым и на удивление привлекательным. Так бывает два-три раза в неделю, когда Глеб не очень занят: в выходные и обязательно в среду. Они едут к нему, в дальний район, где вздыбившиеся дома разделены пустырями, а в лифте успеваешь о чем-нибудь замечтаться; в субботу – заказывают столик в каком-нибудь из маленьких, окруженных добротными автомобилями клубов. Ташка меняет, в угоду Глебу, джинсы на тесные платья и пьет мартини, пока воздух не начинает ласкать ее, а музыка – густеть неви-

димым желе где-то под потолком, закупоренная в стилизованном под старину лабиринте. Тогда же Глеб расстегивает пиджак, открывая ее взору чуть вдавленную пряжку ремня и под ней – тканевый пузырь классических брюк, кладет свою руку, белую, с громоздким ободом часов, Ташке на колено и обнимает острую чашечку, чуть-чуть сдвигая дымчатый чулок... Кстати, Глеб – начальник Ташкиного отдела, но это важно для всех, кроме нее.

Десять минут восьмого – неужели новый заказ? Или вчерашние господа с претензиями? В коридоре оптимистично топали – слева направо – к выходу. Ей надоело ждать, не терпелось сбросить напряжение рабочей позы, но она не двигалась. Нет, Ташка нисколько не боялась, что Глеб в один прекрасный момент перестанет заходить к ней и, подняв одну руку углом, другой – многозначительно стучать по циферблату. Она даже не боялась, что он сделает это в чьем-либо другом кабинете. Просто сейчас ей хотелось, чтобы огни расплылись, на минуту стало зябко после того, как хлопнут дверцы машины, и чтобы потом многозначительно шуршало одеяло. Она работала в студии с полгода, за это время Глеб стал ее привычкой, и она все реже вспоминала, кто из сотрудниц был прежде на ее месте, а кто – нет, не говоря уже о своих собственных историях.

Наконец послышался вкрадчивый стук. Ташка поднялась с вертуна-стула – длинные ноги стали чуть порознь – накинула рюкзачную лямку и только потом улыбнулась большим тонкогубым ртом.

...Сначала он, как правило, лохматит аккуратный шарик своей прически, шевелит темные и густые, быстро принимающие первоначальный вид волосы, будто прогоняет ненужные сейчас впечатления дня, греет пиццу и достает салатик в слюдяной таре. Ташка пьет сок, наблюдает: склоненная спина обтянута рубашкой – два прилипших круга, черточки волос на запястье закрывает падающий манжет, нож испачкан, тарелки наполнены, ослаблен ворот, и от оголившейся шеи веет знакомым соблазном и бальзамом после бритья. Они говорят о работе, мельтешат вилками-ножами и оказываются рядом, раньше чем все съедено. Он ведет ее через полутемную прихожую, где в ярких рамах – удачно подобранные абстракции и цвет стен удивительно нежен. Минуту – на поиск диска, что-нибудь ненавязчивое... – зашептались струящимися голосами колонки. Еще несколько минут, чтобы справиться с застежками, пуговицами, и вот крупный квадрат кровати бесшумно прогибается. Ташка чувствует острями груди услужливый язык – как будто приложили раскаленную мелкую монету, видит ползущую пленку презерватива, закрывает глаза и надолго перестает думать...

– Опять с хахалем валандалась? – прошипела Полина Федоровна в обивку входной двери, но, взглянув на внучкино лицо, светлое, словно надломленное по линии тонкого носа, как не до конца раскрытая книга, смягчилась: – Хорошо хоть не забыла вернуться. Давай чаю согрею. – Подошвы старушечьих, с меховой оторочкой тапочек прошлепали в направлении кухни, и уже оттуда послышалось долгожданное объяснение: – Я что звонила-то... Хочу, ты уж прости, – Полина Федоровна чиркнула спичкой, прервалась, заставив Ташку не шуршать рукавами куртки, – к своим тебя отправить. Грех, Наташенька, на мне. Там же могилки: родители мои. Я, ты знаешь, больная. Твоего деда на поселковом кладбище хоть сестра обиходит, а их – никто. Вот, – Полина Федоровна показала со свернутым пополам, крупно и неумело подписанным конвертом, – Ульяна письмо прислала, пишет: холмы просели, краска на крестах облупилась, непорядок!

– А что она сама не уберет? – лениво поинтересовалась Ташка и тут же, заметив бабушкино недовольство, поправилась: – Может, денег послать?

– Наташенька!!! Да как же это можно – от своих отказываться! Я бы поехала, если б не нога. Дитяtko ты мое...

Ташка постаралась прорваться к себе в комнату: «Потом, потом...». Между бедрами все еще виляла огненная поземка, пытаясь заполнить ставшую тягостной пустоту. Это воспоминание и одновременно предвкушение хотелось сохранить, мучиться и наслаждаться им... Сколько там дней до субботы?

– Неужто не отпустит начальство? – не унималась Полина Федоровна. – Пасха скоро. Я, глупая, не сообразила заранее... На денек всего, яиц на могилки положить. За упокой я уж сама закажу. Это ж и твои, детка, родные!

Отказавшись от ужина, Ташка начищала зубы мятной пастой и невольно думала о «поросших травой» родственниках. Она никогда не видела их лиц, не считая нескольких туманных снимков, где таращатся в аппарат закутанные в платки женщины и мужчины в надвинутых на глаза кепках. Ей было одинаково трудно представить их как мертвыми, так и живыми, да и им наверняка не было никакого дела до своего неведомого потомка. Белая струйка поползла по перламутру щетки. Ташка набрала в рот воды и склонилась над рифленной дыркой раковины, краем глаза заметив в зеркале бабушкин любопытный нос.

– М-м? – вопросительно кивнула отражению.

Полина Федоровна, переминаясь, ступила на порог. Легкое подобие смешка исказило ее губы.

– Наташенька, а что ты его к нам не приведешь? Меня что ли стесняешься? Так я и не покажусь... Все смотрю в окошко, как он тебя подвозит. Парень рослый, видный. Ты за ним приглядывай... – Ташка выдавила новый валик пасты и принялась – уже яростно – втирать ее в челюсти. Она старалась слушать только журчание воды, но до нее все-таки донеслось уверенное: – А поедешь, так Ульяне помоги по дому управиться, а по оврагам сама не шляйся!

– Это еще почему? – промычала сквозь пену Ташка.

Полина Федоровна немного смутилась, убрала руку с дверного косяка и, уже уходя, бросила:

– Всякое бывает.

Ранним утром следовало пересест с поезда на электричку «Россошанка», а потом ехать автобусом до бабушкиной деревни. Ташка устала от трясучки, купейных стен, похожих на гляцевитую картонку, остывшего кипятка и запаха соседского продуктового пакета. Когда леса стали лиственными, а потом и вовсе исчезли, поезд со скрипом повиновался сигналам конечной станции. Она зашнуровала черные, запылившиеся на носках туфли, щелкнула замками сумки. Утренняя леность была, кажется, совершенно чужда тем многочисленным, бедно и небрежно одетым людям, которые, неся в растопыренных руках тюки и саженьцы, бежали к свободным лавкам, потом долго озирались, не прогадали ли с местом, и, наконец успокоившись, затевали беседу на мягком и приторном наречии, доставали карты, семечки.

Ташка почти не замечала своих попутчиков, просыпаясь лишь ненадолго: когда контролеры наэлектризовали воздух своим присутствием, когда в репродукторе, сквозь хрип и харканье, прорезались звуки, похожие на название нужной ей станции. Пригородный состав выпихнул из себя толчею, как выпихивает фарш мясорубка. Вагонные потоки слились, неся в себе сонную Ташку, а потом снова разъединились. Она остановилась в недоумении посреди площади, но скоро заметила смешной, с вытянутой мордой автобус и, припав щекой к прохладному, нечистому стеклу, опять погрузилась в сон.

Ей мерещилось, что они с Глебом едут среди елок и берез, долго-долго. У него почему-то оголены икры, а на шее – красный газовый шарф; ее грудь едва прикрыта, и, когда машину бросает на ухабах, ослепительно розовые, разбухшие соски показываются в вырезе блузки. Нужно найти, где бы провести вечер, но всюду лишь лес, и те немногочисленные заведения,

что по какой-то случайности попадают им на пути, закрыты. Наконец-таки они тормозят у ресторанчика: огромная, во все стороны простирающаяся стена, на ней – едва различимая вывеска. Их встречает тучный тип в серых брюках железнодорожного кондуктора, на вид какой-то бесполой. Он трясет животом, похожим на загустевшую манную кашу, и вдруг спускает форменные штаны до колен... У типа действительно совершенно голо между ног, как у куклы-пупсика! Поборов стеснение, Ташка достает из сумочки новенькие акварельные краски и рисует ему пониже живота все недостающее. Получается очень похоже. Тип гладит себя, осторожно, чтобы не размазать свежую краску, но коричневатое пятно все же остается на подушечке указательного пальца. Он пробует пятно на вкус, улыбается и, повернувшись задом, открывает перед посетителями тяжелую дубовую дверь...

Ташка очнулась, зажмурилась и недовольно втянула плечи. Солнце било в стекло, подсвечивая грязные брызги и растворяя в мареве безумно далекий горизонт. Вздрагивала выцветшая занавеска за спиной водителя. Было так неуютно, словно у твоего дома внезапно снесло крышу.

Автобус окунулся в поросшую кустарником впадину и, истерично зарывав, пыхтя парами бензина, медленно пополз на гору. Просторы стали не видны, зато ярче засеребрились россыпи росы, и Ташка заметила, что листва здесь распустилась куда сильнее, чем в ее городе, и теперь кажется, что произошло это за один день.

Дом Ульяны, синий, окруженный палисадником с курами, стоял первым от дороги. Калитка оказалась запертой. Почему-то именно сейчас, топча взъерошенный ковер спорыша у забора, Ташка перестала жалеть, что приехала сюда и проведет выходные без Глеба: как-никак новые впечатления. Она обошла дом, вконец разозлив цепного пса. Две овцы, серые, с замусоренными хвостами, шарахнулись от нее в сторону, натянули веревки поперек пути, она осторожно переступила и направилась к белому треугольнику платка в конце рыхлой и мокрой черноземной полосы.

Ульяна приходилась Полине Федоровне какой-то троюродной племянницей, по крайней мере, так говорили. Ташка не знала, ни сколько ей лет, ни кто, помимо нее, живет в доме. Поравнявшись с согнутой фигурой, она прислонилась к штакетнику и неуверенно позвала:

– Извините...

– Шо? – повернулась к ней розовощекая немолодая женщина, поправила сползший на лоб платок и недоверчиво наклонила голову. – Шо вы скажете? Я нэ чую.

Ташка было удивилась, что женщина не подойдет к ней ближе, но, опустив взгляд на вязкие колдобины, принялась кричать:

– Я от Полины Лисаченко, внучка ее.

Женщина слащаво открыла рот, изображая радость, и замахала руками в направлении дома. Они пошли по разные стороны некрашеного, заросшего вишняком забора. Шли довольно долго, смотря под ноги, стараясь не ступить в грязь. Потом Ташку впустили во двор, неприглядный, утоптаный людьми и домашними животными, украшенный лишь просшим подорожником у крыльца.

Ульяна прижала Ташку к груди, дав ей почувствовать силу своих рук и какой-то молочный запах пухлого лица, потом показала четыре сортовые яблони и, уже в доме, гладкую беременную кошку и телевизор «Самсунг», накрытый гипюровой тряпкой. Не заметив в госте интереса к хозяйству, предложила пройти к столу. На потертой клеенке лежали пакеты с хлебом, газеты, очки, начатое вязание и... акварельные краски «Школьные». Ульяна принялась лихорадочно запихивать все в ящик.

– Кто у вас рисует? – не удержалась Ташка.

– А-а-а, внучок у ту субботу гостював, – ласково пояснила хозяйка и вынула початую бутылку водки «Петр I». Ташка завертела головой. – Знаю, шо пост и грех, – по-своему истолковала отказ Ульяны, – да сам не выпьешь, понаидуть гости – ищи-свищи!

Ташка попросилась ночевать на дальней веранде, что выходит окнами и отдельной дверью в сад. Хозяйка недоверчиво прищурила глаз, но, получив несколько сотенных «за беспокойство», отстегнула ключ от связки и даже предложила теплое одеяло. В комнатухе с мелко расчерченными окнами пахло нежилой сыростью. Присев на железную кровать, Ташка вынула из сумки постельное белье, банку финской голубой краски и купленные накануне Полиной Федоровной искусственные цветы. Спросила инструмент. Ульяна выдала ей ржавую тяпку, зачерпнула детским ведерком песку и взялась проводить до могил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.